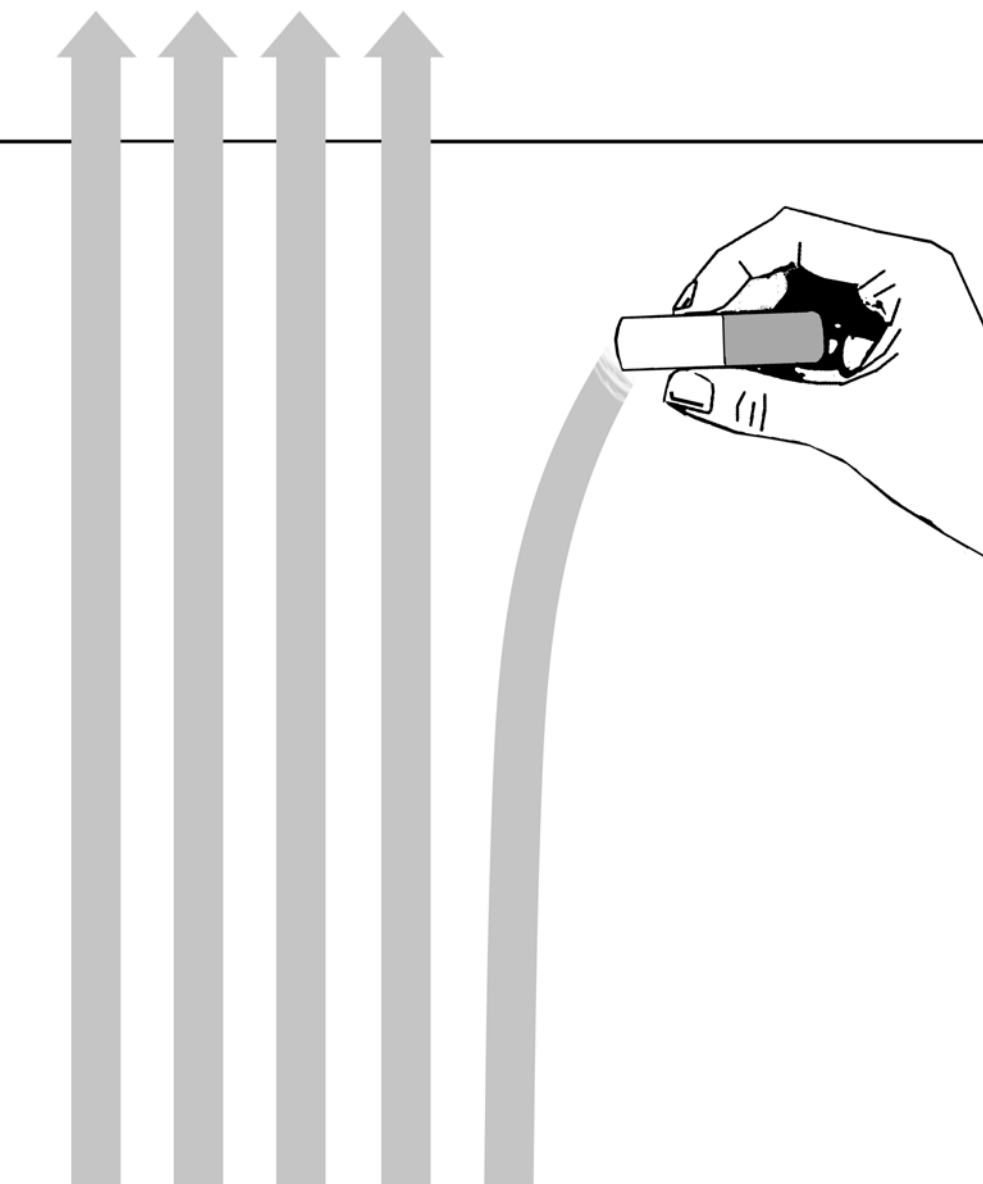

ДЕВИАЦИЯ

«Я схожу с ума с длинными интервалами ужасного здравомыслия».

Эдгар Аллан По

«Бессознательное представляет собой особое душевное царство инфантильного».

Фрейд Зигмунд

«Единственно подлинны мысли — мысли утопающего. Всё прочее — риторика, поза, внутреннее фиглярство».

Хосе Ортега-и-Гассет

Он

Соловьёв был человеком вспыльчивым, но аккуратным. Все его отклонения в мыслях или поведении были плодом слабых нервов и железной воли самоконтроля.

Вы скажете: так не бывает. А вот и нет. Еще как бывает.

Прошедшая экономика

Соловьёв работал в Институте народнохозяйственного прогнозирования. Много сидел в библиотеке. Где же еще можно было коротать рабочее время, перемежая поиск цитат для обязательных статей со свежими (относительно) переводами западных детективов.

Он открыл для себя тот раздел библиотеки института, которая была, по сути дела, архивом статей и отчетов по исследованиям, проведенным сотрудниками в советский период. Там все покрылось пылью. А Соловьёв старательно стирал пыль с очередной папки и читал. Он называл это путешествиями в прошлое.

Там было в основном заполнение объемов, но была и интересная статистика (иногда), и свежие по нынешним временам мысли (парадокс).

Простые и понятные любому обывателю вещи (ну, тому обывателю, который вел хозяйство своей семьи) подавались в упаковке из цитат вождей и академиков всяких академий. Все было как положено. И тем не менее. Из этих папок пришло к нему простое осознание того факта, что в экономике борьба за сохранение власти рабочих и крестьян шла через отрицание любых форм хозяйствования, кроме государственной экономической модели, в основании которой лежало плановое распределение ресурсов. Распределение из одного места. Следовательно, не могло быть никакого отклонения от линии партии, кроме, конечно, теневой экономики.

Робкие попытки обоснования косыгинских реформ времен известной оттепели и более поздние формы типа коллективных договоров и бригадного подряда не могли прорасти сквозь железные марши Госплана и Госснаба. Все посчитано и учтено. Борьба с уклонистами была даже не нужна. Ну кроме поле-

мики в рамках научных дискуссий или уголовных дел против спекулянтов и цеховиков.

Папка

Но была одна папка, которая отличалась от прочих. Она была не подписана. В ней был собран хаотичный набор листов бумаги с заметками. Заметки написаны одним почерком. Машинописные копии отсутствовали. Всё вразнобой. Соловьёв, перебирая страницы, даже подумал, что это выглядит как собранное при обыске.

Подумал как дилетант, сам он при обысках никогда не присутствовал, но вот почему-то так подумал. Не мы такие, жизнь такая, вздохнул он.

Так вот, это были предложения по изменению траектории роста экономики страны. Изменения в структуре плана народно-хозяйственного развития и тому подобные вещи.

Соловьёв читал и удивлялся. Человек, писавший все это, был настоящим визионером, как теперь говорят. Гостем из будущего, как говорили тогда. Имени не было, и он для себя называть его стал Поповым. Как звали того, который радио изобрел. Или просто фамилия на ум пришла, он не знал. Ну Попов и Попов.

Попов

Так вот, этот бывший сотрудник института утверждал, что есть способ удержать экономику советскую на рельсах развития и даже резко ускорить ее. Для этого он предлагал ресурсы, идущие на поддержание гонки вооружений, направить на строительство атомных станций, которые разместить ближе к границам Китая, и поставлять туда электроэнергию, в которой Китай так нуждался. Получая взамен

товары народного потребления, которые станут стимулом для роста производительности труда, ибо на заработанное будет что купить. Так, считал автор папки, можно будет запустить маховик на других оборотах и проскочить яму падения производства.

В этом случае, писал Попов, можно не бояться влияния мировой конъюнктуры на устойчивость страны. И главное — этот вариант развития событий не затрагивает основ мировоззрения лидеров.

Тоффлер

Соловьёв понимал, что это никого не заинтересовало тогда и тем более не заинтересует теперь. Причем и тогда и теперь — по одной и той же причине. Тогда это называлось — автор не учел геополитической обстановки, а теперь — автор не учел изменений геополитической обстановки.

Все это жутко скучно, в очередной раз подумал он, и продолжил с Элвином Тоффлером, с его «Третьей волной». Он был благодарен за эту книгу Попову, он обнаружил ее в этой же папке.

Но что странно — Соловьёву казалось, что рукописи относятся к 60-м годам, а книга Тоффлера вышла в 80-е. Это была загадка, которую он не хотел разгадывать: ему казалось, что ответ разрушит его хрупкий роман с папкой.

На самом деле идеи Тоффлера в сочетании с атомными станциями Попова на границе с Китаем давали ответ на вопрос, что может сделать экономику страны в настоящем. Не продажа энергии, а продажа хранилищ, заводов, сетей для индустрии информационного общества третьей волны. И обменивать часть этих мощностей на товары, которые по-прежнему нужны людям.

Идея казалась ему хорошей, это была его идея, а также Попова и Тоффлера.

Он гордился собой. Он соединил несоединимое.
Но это по-прежнему никому не нужно, успокаивал
себя Соловьёв.

Он все-таки не смог себя сдержать и написал
по начальству телегу. Ну как телегу — скромную
подобострастную записку.

Вот такая вот фигня.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

На имя: заместителя директора
Института народнохозяйственного
прогнозирования
От: Соловьёва А. А.,
старшего научного сотрудника
Дата: (указать)

О рассмотрении отдельных материалов, выявленных в архивном фонде, и их возможном прикладном потенциале в свете актуальных вызовов социально-экономического развития

Уважаемый [И. О. Фамилия],
в процессе систематизации архивных материалов
института, в частности фонда № 34 (раздел: вну-
тренние аналитические предложения, 1960–1970 гг.),
обнаружена подборка неподписанных рукописных
документов, содержащих оригинальные гипотезы
по вопросам макроэкономической трансформации
и стимулирования роста производительности труда
в условиях централизованной плановой модели.

Несмотря на отсутствие выходных данных и фа-
милии автора, по косвенным признакам (термино-
логия, дата упомянутых событий, ссылки на акту-
альные для 1960-х концепции) полагаю возможным
датировать документы 1965–1968 гг.

Ключевая идея данной подборки — необходимость перераспределения инвестиционного ресурса от военно-промышленного комплекса в пользу развития энергетической инфраструктуры с целью внешне-торговой переориентации, в частности — экспорта электроэнергии в КНР. Это, по мнению автора, обеспечило бы:

- 1) генерацию товарной массы через импорт потребительской продукции;
- 2) стимулирование труда на основе создания внутреннего рыночного спроса;
- 3) обеспечение устойчивости экономической модели без необходимости концептуального пересмотра ее идеологических основ.

Особый интерес представляет сопоставление этих предложений с положениями, изложенными в труде Э. Тоффлера «Третья волна» (издание появилось позднее — в 1980-е гг.), фрагменты которого также обнаружены в рассматриваемой папке. Выводы Тоффлера относительно перехода к информационному обществу, а также необходимость формирования новой инфраструктуры (хранилища, распределенные сети, высокотехнологичные центры) перекликаются с некоторыми формулировками автора папки.

Считаю возможным рассмотреть эти материалы в рамках рабочего семинара по сценарному моделированию, в том числе — как гипотетическую реконструкцию «непрошедшего пути» экономического развития. Это позволит:

- провести сравнительный анализ с текущими трендами;
- смоделировать альтернативные векторы трансформации отечественной экономики в условиях технологической неопределенности;
- выявить закономерности устойчивости моделей при внешнем давлении без радикального сдвига в системе управления.

Прошу вашего распоряжения по вопросу возможной презентации материала на ближайшем заседании отдела.

С уважением,

Соловьёв А. А.
старший научный сотрудник
Институт народнохозяйственного
прогнозирования

Руководство института отреагировало неспешно. Предложили провести семинар. Позвать смежников, а также тех, кто от различных институтов консультировал правительство и ЦБ.

Семинар

На семинар пришло неожиданно много китаистов (откуда их столько взялось? — подумал Соловьёв), а также политконсультантов из администрации. Правительство совершенно не заинтересовалось (ну еще бы, где мы и где правительство! — продолжал внутренний монолог Соловьёв).

Интерес к семинару вызвали, возможно, тезисы выступления Соловьёва. Директор института, узнавший обо всем в последний момент, очень ругался и сам пришел открывать семинар (ну не нам же, сирым и убогим, явил про себя Соловьёв).

Директор сказал вступительное слово, и дальше Соловьёв прочел свои тезисы в более развернутом виде.

Дальше выступали многие. Тема оказалась горячей. Все хотели высказаться. Ораторы разделились на две равные части. Одни говорили, что предложения разумные и своевременные, и — ура! Другие кляли Соловьёва на чем свет стоит, произносили: ослаблять борьбу нельзя.

Были и такие, которые просто писали всё на диктофоны и, наверное, на видео тоже.

Семинар длился пять часов. В конце секретарь ученого совета обещал всем участникам выслать протокол по готовности.

Личная жизнь

Соловьёв подождал ответа. Потом еще подождал, а потом отвлекся. Ну, естественно, на любовь.

Она работала в цветочном магазине напротив института. Ее звали Варя. Он случайно увидел ее, проходя мимо. И попал.

Мучительно преодолевал себя и все-таки зашел. Заговорил. Пригласил. Она согласилась.

Они пошли на выставку в субботу и потом перекусили. В каком-то кафе. Она смеялась, он балдел. Она молчала, он говорил. Она опять смеялась. Ну, в общем, все как-то пошло хорошо.

Он ходил в институт только потому, что он был рядом с цветочным магазином. Прошло полгода, они жили вместе. Варя была тонка, глубока и адекватна, насколько это может быть с молодой девушкой, да еще и торгующей цветами.

Она отлично противостояла Соловьёву с его тягой к рефлексии и заставляла его выворачивать себя наизнанку. Под ее воздействием он порой бывал экстравертом, покидая дом своей внутренней дисгармонии.

Все нравилось Соловьёву. Ну не все, но достаточное количество. Счастья были полные штаны. И не только.

Однажды среди этой вакханалии жизни ему позвонили. Спросили: он ли тот самый автор записки?

Он сказал: да. Попросили 13-го в 12 часов быть у такого-то подъезда на Старой площади. Сказали, что пропуск на машину будет. Повесили трубку. Он сидел оглушенный. У него не было машины.

Наверху

Он сидел в кабинете кого-то очень большого. Было еще несколько неизвестных ему людей. Возможно, кто-то из них был на семинаре. Он не запомнил.

Его спрашивали. Он отвечал. Развивал свои идеи.

— Правильно ли я вас понял, — сказал владелец большого кабинета, — что резкое приращение мощности наших генерирующих мощностей сможет изменить траекторию экономического развития, увеличивая доходы бюджета и при этом не ломая сложившуюся архитектуру власти? А даже укрепляя ее.

— Совершенно верно, — ответил Соловьёв. — Мало того, будет получен синергетический эффект от массы побочных эффектов, так называемая мультипликация смыслов.

— Да-да понятно, — задумчиво сказал большой человек. — Очень масштабно вы мыслите. Это похвально. Спасибо за беседу. Вас проводят.

Его сопровождал вниз тот же человек, который встречал, и попросил на прощание не болтать лишнего.

Соловьёв сказал, что понял. Хотя не понял ничего. Особенно — что такое «лишнее».

Когда он вышел, большой начальник сказал оставшимся:

— Слышали? Теперь попробуйте это исполнить, только без него.

Все закивали, но тоже без особого понимания в глазах.

— Жду через неделю конкретные предложения, — закончил хозяин кабинета. — Все свободны.

Соловьёв

Сидел опять в библиотеке. Но — странное дело — папки Попова в фондах больше не значилось. Более того, заведующая библиотекой сказала ему после неоднократных запросов и дерзких намеков, что ее никогда и не было.

— Как же так? — спросил Соловьёв.

— А вот так, — ответила она.

